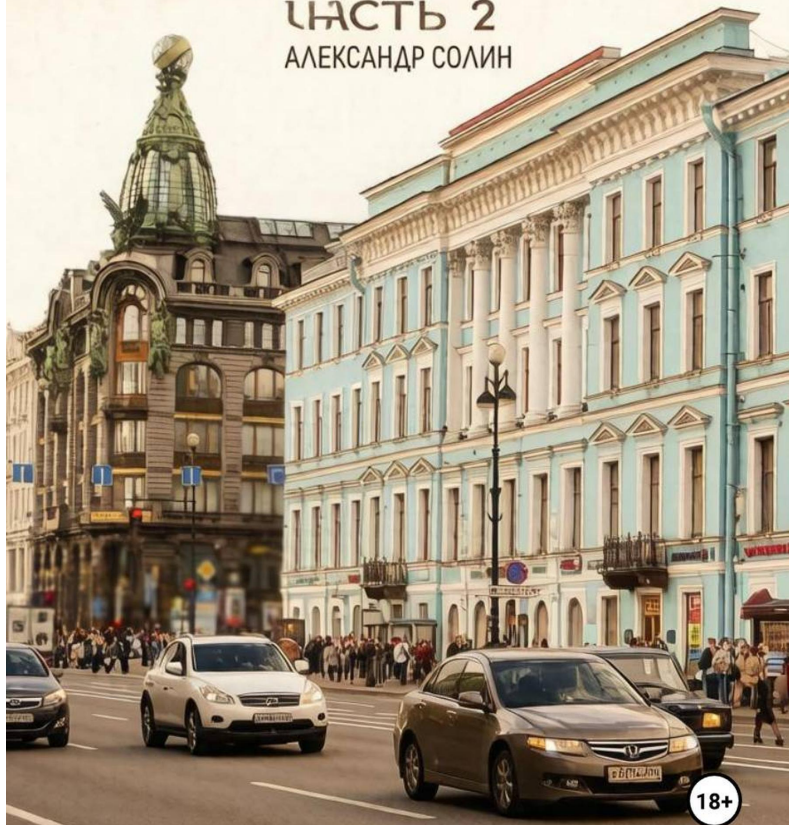

ТАНТАТИВА N2,

ЧАСТЬ 2

АЛЕКСАНДР СОЛИН

18+

Александр Солин

Тантатива номер 2, часть 2

<https://litres.ru/74673727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как много вокруг нас подобий тому крепко сбитому, бесплотному, но всеми чувствами ощущаемому зданию, что строим мы порой назло себе и другим, и что зовется нашей биографией. Над типовым эвклидовым основанием детства и отрочества постепенно возникают причудливые объемы криволинейной геометрии нашего упрямства и безволия, фасад украшается затейливыми безделушками наших извращенных вкусов, интерьеры наполняются экзотическими экспонатами нашего праздного досуга. Особенность здания такова, что оно растет, обращая в строительный материал все, что находится внутри нас или на стороне, даже если мы спим или сидим, сложа руки. И когда готовое здание, извернувшись подобно подсолнуху, глядит уже на закат, у кого-то оно становится похожим на покосившуюся лачугу, а у кого-то - на дворец.

Александр Солин

Тантатива номер 2, часть 2

1

«Поедешь учиться в Ленинград - объявил на семейном совете дед, едва мне полегчало. – Есть у меня там боевой друг, я ему звонил, он обещал помочь»

История пометила эту дату четырнадцатым июля 1977 года.

«Я буду тебе писать» – пообещала сестра Зоя.

Были сборы недолги, как поется в одной дедовой песне, только приехал я туда не на коне, а на транссибирском скором. На вокзале меня самым радушным образом встретил Иван Афанасьевич Хлопотов, тот самый фронтовой дедов друг, с которым они прошли всю войну. Хлопая меня по плечу, сказал:

«О, какой у Федотыча гренадер вымахал! А у меня внучка. Маленькая еще...»

«Уж мы с твоим дедом повоевали. Лихой он мужик. Был мне на войне как старший брат. Однажды прикрыл собой и получил пулю в плечо. Так что, сам понимаешь, такое не забывается. Не виделись мы с ним уже не знаю, сколько...» - рассказывал он, пока мы ехали в машине к нему домой. Вдобавок ко всему сказал:

«Пока с общежитием не определишься, поживешь у меня. Места хватит»

Был он в звании полковника, имел, по словам деда, приличную должность и, как оказалось, такую же квартиру в центре города, в которой жил с женой. Для меня даже комната отдельная нашлась. Со временем познакомил меня с сыном и дочерью. Были они вдвое старше меня, культурные, незаносчивые и с особым питерским говором. Сын, добродушно улыбаясь, так мне и сказал:

«Ты от своего «чё» отвыкай»

В дальнейшем я вел себя тихо и ненавязчиво. Подолгу пропадал на свежем воздухе, если можно так сказать про питерский воздух. Познавая город, плутал по его улицам, пытаясь запоминать названия. Полная противоположность лабиринту, он был ясен и предсказуем, особенно Васильевский остров, по которому куда ни пойдешь, рано или поздно упруешься в Неву. Город - огромный, живой, энергичный, чаднодышащий - подавлял своим упорядоченным, размашистым, державным величием. Улицы в нем были похожи на ущелья, где дома, как люди гордились несхожестью своих фасадов и не очень-то заботились о тылах. Притом что город строился иностранцами, архитектура не выглядела чужеродной - так вкрапления отдельных иноземных словечек в русский текст не могут исказить его доморощенный смысл. Что касается жителей города, то было полное впечатление, что они движутся по нему к одной цели, но разными путями. И особый

воздух — местами загазованный, а местами с запахом воли и привкусом соли. На Дворцовом мосту он особенно хорош. Не просто воздух, а дыхание близкого моря, отдаленно напоминавшее Черное, куда меня возили в пять лет. Хоста, разгар лета, палящее солнце и алыча, которую отец, вытянув руку, срывает на ходу. Пальмы, кипарисы, эвкалипты, красочный калейдоскоп цветов смешиваются с запахом моря в душноватую, влажную, осевшую на мою память парфюмерию морского южного лета. Но самым удивительным в Питере было терзавшее меня тотальное дежа вю: я здесь уже когда-то не просто был, а жил! До навязчивости, до суеверного испуга! Так или иначе, но, в конце концов, я пришел к мысли, что неважно в каком институте учиться — главное жить в этом роскошном, гостеприимном городе. Я подал документы в Электротехнический институт и довольно легко поступил. Мог на две недели вернуться домой, но не вернулся. За это время для меня нашлось место в общежитии, что на Кировском проспекте Петроградской стороны, и я со своим единственным чемоданом перебрался туда. Там меня и нашло письмо сестры Зои, в котором она среди прочего сообщала о Сонькиной беременности и ее скорой свадьбе с отцом ее будущего ребенка Витькой Царевым. Тогда-то я и выпил свою первую рюмку водки. Выпив, лег на кровать лицом к стенке и презрительно усмехнулся:

«Вот и вся любовь...»

И еще подумал, что теперь я свободен. Решил: отныне бу-

ду мстить ей, с кем бы и в какие бы отношения ни вступал. Будь у меня больше такого рода опыта, я бы знал, что месть - это жестокая игра, где в козырях - ненависть, а в проигрыше - любовь. Мстя за прошлое, калечат будущее, желая справедливости, ожесточают сердца, вместо лекарства принимают яд. Мне все же хватило ума понять, что теперь ей, замужней, от моей мести ни холодно, ни жарко. Самым правильным будет, если я ее забуду. На том и остановился. Зое же на следующий день написал, чтобы впредь избавила меня от новостей об этой парочке. И потекли далее песочные часы моей жизни.

Первого сентября я соединился с однокурсниками, и их личности, кроме двух парней и одной девушки, чьи лица выглядели неубедительно, заняли в моей памяти уже приготовленные для них места. В отличие от них, настороженно озиравшихся, я смотрел на них, незнакомых, и в то же время когда-то уже сопричастных к моей жизни со сдержанной радостью: с ними я возвращался в привычный мир предначертанного. Откуда им было знать, что рядом с ними поселился оракул! Я почувствовал долгожданное облегчение: я на своем месте, в своей тарелке, в привычной для меня колее! Коле-я – какое звучное слово! Прямо какая-то италиязычная роскошь! Не то, что слово, придуманное позже Славой Митрохиным: *взбзднулось*. «Из-за тучи, из-за ваты вышел месяц бзделоватый» - это тоже его. Все мы были родом из школы и улицы. Каждый принес с собой то, что накопил и щед-

ро этим делился. Студенческое братство – оно ведь на всю жизнь, особенно с теми, с кем почти шесть лет делишь комнату в общежитии. С той лишь разницей, что с однокурсниками у меня доверительные отношения установились только после первого курса, а стирать белье и носки, жарить заправленную тушенкой картошку, перекидываться новостями, обсуждать политику, делить один грипп на троих, лечиться от всех болезней старкой, дышать одним воздухом, тянуть до следующей «степухи» и обмывать сданные экзамены я начал практически с нуля.

Вот байка того времени, которую непосвященный посчитает анекдотом, а посвященный понимающе улыбнется:

Студенты в общаге за столом. Один из них поднимает стакан:

«За Васю. Чтоб он сдал»

Выпили. Налили. Следующий поднимает стакан:

«За Васю. Чтоб он сдал»

Выпили. Налили. Третий поднял стакан:

«За Васю...»

Входит Вася. Все хором:

«Сдал?!»

«Сдал...»

«Сколько?!»

«Четыре...»

«А почему не пять?!»

«У пятой горлышко было отбито...»

С тех пор во мне живет стойкое убеждение: прежде чем обзавестись своим домом, человек должен пожить в общежитии.

2

К моей стипендии родители добавляли вдвое больше, и с этим вполне можно было жить. Время от времени ко мне в общежитие наведывался Иван Афанасьевич, смотрел, как я живу и свои впечатления докладывал деду. Так что я, можно сказать, находился под присмотром. Мне писала Зоя, на Главпочтамте я заказывал телефонные разговоры с родителями. Отношения с однокурсниками завязывались неспешно, и в том не было моей вины – такова реакция полимеризации крепкой студенческой дружбы. После лекций все расходились по домам (большинство однокурсников были ленинградцами), а я отправлялся в общежитие, откуда на пару часов в самое пекло городской жизни - на Невский проспект. Невский – сердце города, а ведь живой организм жив своим сердцем, не правда ли? Кто-то в это время шагал по Москве, а я шагал по Невскому. В ту пору ленинградцы еще дорожили своей интеллигентностью и были овеяны особым, связанным с блокадой почитанием. На улице можно было обратиться к любому и всегда получить если не исчерпывающий ответ, то виноватую улыбку. В этом смысле они общепризнанно противостояли москвичам, которые если не отмахнутся, то и толком ничего не объяснят. История с Ца-

ревым странным образом отбила у меня охоту заниматься боксом, хотя для этого были все условия, а потому всю заготовленную для него энергию я тратил на многокилометровые кружения по городу. Совсем как бездомный пес. На ходу посматривал на девушек. Понимал, что рано или поздно кто-то должен появиться и занять Сонькино место. Всегда нарядные, яркие, броские, неприступные, они с напускным безразличием спешили по своим делам, замечая на самом деле всех и вся. Объективно говоря (вот словечко, которым мы в ту пору сыпали направо и налево!) Соньки я среди них не видел.

Незаметно наступила настоящая осень. Если сентябрь в Питере, особенно первая его половина, похож на наш, сибирский, то дальше начинается настоящий морок. Как ни пытается город походить на европейский, над ним заклятием тяготеет эта сырая, угрюмая, беспросветная пора. Морось сгущается в мелкие капли и переходит в назойливый, беспрестанный дождь. Кто-то здесь любил такую погоду, но меня, привыкшего к солнцу, она тяготила, и я искал способы выдержать ее депрессивный напор. Для этого существовали Центральная библиотека, кинотеатры, Дом книги, кафе-мороженые. Я присмотрел одно такое на Невском, буквально в ста метрах от Лиговского, где в кофе добавляли коньяк, и сидел в церемонном тепле, потягивая горьковатый напиток. С некоторых пор я полюбил одиночество. Возможно, свободные отношения могли бы вылечить меня от этой напасти, но

в то время они существовали только в зарубежных фильмах. В наших фильмах, как и в нашей жизни им было положено заканчиваться браком, а к такому повороту я решительно не был готов. Питер богат культурой, и я пристрастился к филармонии. Особенно полюбил орган. Он напоминал мне баян. К слову сказать, среди местных пижонов баян считался верным признаком провинциального вкуса, а атрибутом истинного снобизма – рояль.

На Новый год мы собрались на квартире одной из наших девчонок, и там я блатными песнями шокировал испорченный журналом «Иностранная литература» вкус нашей женской половины и заслужил живое одобрение мужской. Первую сессию сдал без проблем, но домой на каникулы не поехал. А в середине февраля мать в телефонном разговоре проговорила, что Сонька родила мальчика. Вернувшись домой, я застал там дежурную пирушку, присоединился к ней, потом сросся с гитарой и до ночи изводил себя и других цыганской тоской.

Потом началась ранняя, не менее мерзкая, чем поздняя осень весна. Чередую лекции с дворовым футболом и дегустацией портвейна «три семерки», дотянули мы до милосердного майского тепла. Ничего грандиозного за это время с нами не случилось, только мелкие события рябили поверхность нашей ученой заводи. Как я уже сказал, на первом курсе между нами еще не было той прочной связи, которая в дальнейшем соединит нас на годы. Иначе бы я предупредил

нашего подающего надежды велосипедиста Гену Буранова, что на июньских заездах он на кольцевой гонке проедет нужный поворот и упустит шанс стать кандидатом в мастера велосипедного спорта.

По окончанию сессии я в составе стройотряда отправился под Красноярск. Путь пролегал через наш город, и предугаженные мною родители и сестра Зоя пришли на вокзал. Я спустился на перрон, мы расцеловались. Взволнованные родители забросали меня вопросами, и когда я исчерпывающе на них ответил, Зоя попросила:

«Дайте нам пару минут»

«Конечно, конечно!» – замахала руками мать.

Зоя отступила со мной в сторону и тихо сообщила:

«Соня все время о тебе спрашивает»

«Спит с другим, а спрашивает обо мне? Оригинально! – ощерился я. – Ну, так скажи, что собираюсь жениться. Вот подрасту, выберу себе спутницу жизни и зашагаю с ней в светлое будущее»

«Зачем ты так... Вообще-то она тебя от тюрьмы спасла...»

«Вообще-то я ее об этом не просил! Все, что ей нужно было сделать, это ждать меня из тюрьмы! Вместо этого она полезла в чужую койку! Она что, думала, я ей спасибо скажу?! А ничего, что она этим убила меня, а?! Ничего, что я теперь не живу, а существую?! Вот интересно, что бы чувствовала она, если бы так поступил я?! Нет, ты ее потом спроси! Обязательно спроси! Так и спроси, кто из-за нее теперь в драку

полезет, кто не побоится тюрьмы, а? Никто! Был один дурак, да и того она предала. Да еще за того, кто ее изнасиловал, замуж выскочила. Ну, а как же – позорную беременность-то надо узаконить! А ты? Чего ты за нее переживаешь? Зачем эти сопли? Всё, проехали, назад пути нет!» - спешил я избавиться хотя бы от тысячной доли той яростной боли, которая скопилась во мне за это время.

«Миша...»

«Я всё сказал!»

«Миша, это твой ребенок...»

«Чтооо?!»

«Твой ребенок»

«Кто сказал?!»

«Соня»

«Ха! Не смей меня!» - злобно хохотнул я.

Зоя с молчаливым укором посмотрела на меня.

«Да она сейчас что угодно скажет! – разозлился я. – Скажет, что не спала с ним, а вы и поверите!»

«Не спала, а была по принуждению»

«А это, что ли, не одно и то же?»

«Не одно»

«А для меня одно! А главное, что дети бывают как раз от принуждения!»

«Да, бывают, только до этого она три недели была с тобой, так?»

«Ну была, и что?»

«А то что на момент принуждения она уже была беременна от тебя. И по срокам всё сходится»

«По каким еще срокам?!»

«Это долго объяснять. В общем, как хочешь, но мы считаем его твоим»

«Ну, и считайте на здоровье! – вскипев от возмущения, выкрикнул я. - Всё, Зоя, всё, посмеялись и хватит!»

Я вернулся к родителям, обнял их, поцеловал, потом скользнул губами по Зоиной щеке и поднялся в вагон. Через минуту поезд тронулся.

«Нет, не верю» - угрюмо подумал я, глядя на проплывающий за окном до боли знакомый вокзал. Где-то там, километрах в двух от меня находится та, без которой я когда-то не мыслил свою жизнь и которая давно уже не та, что была. Это мне сейчас хочется выть от тоски, хочется упасть лицом в подушку и захлебнуться рыданиями - не ей. Ей давно уже не до меня, и если она иногда вспоминает обо мне, то как о досадном недоразумении. Она поступила со мной с холодным и трезвым расчетом. Правда в том, что заявление – только повод. На самом деле она пошла к Цареву, чтобы довести до конца то, что они тайком хотели сделать на выпускном и чему я неожиданно помешал. С тех пор прошел год. Она давно уже погрязла в семейных делах. Вот сейчас надо кормить Царева-младшего, потом дожидаться его папашу, скоротать с ним вечер, а потом лечь с ним в кровать. Он привычно зашарит рукой по ее отзывчивому телу, будет так же как я це-

ловать ей грудь, потом спустится на живот, а потом еще ниже. В двух шагах от них будет посапывать в кроватке плод их сердечного союза, и его не разбудят ни скрежет пружин, ни сучьи повизгивания матери, ни хриплое дыхание папаши. Отдыхая у него на плече, она вдруг вспомнит:

«Да, слушай! Сегодня через наш город проезжал Мишка Королёв. Страшный человек! Представляешь, он может читать чужие мысли! А ведь все время клеился ко мне и уговаривал с ним переспать! Слава богу, не уговорил...»

И он проворчит:

«Зря я дал задний ход... Надо было его посадить...»

И так изо дня в день. И бог бы с ней, но тут вот такая загвоздка: согласно устройству моего предсказуемого мира существа, нарушившие его законы, должны, так или иначе, исчезнуть из обращения. Вместо этого существо по имени Сонька Крылова (или теперь Царева?) из обращения выпадать не собирается, да еще находит время интересоваться моим житьем-бытьем! Одно из двух: либо она не от мира сего, либо ничего не нарушила и тогда мне придется и дальше терпеть ее непотребное любопытство. Час от часу не легче!

Возвращаясь в конце августа в Ленинград, я намеренно не сообщил родителям о времени прибытия в их город, чтобы избежать неприятного разговора, во время которого ме-

ня будут дружно склонять к признанию ребенка. В Ленинграде меня ждало Зоино письмо, в котором она сообщала, что Сонька подала на развод и живет теперь у родителей, чему все наши несказанно рады. Сама Сонька ожила, набирается сил и на следующий год собирается поступать в медицинский у нас в городе. Кстати, сына она назвала Михаилом. Я Зое не ответил и залег на дно, то есть, перестал выходить на связь.

Через неделю в общежитии появился Иван Афанасьевич и велел ехать с ним к нему домой. По дороге сказал:

«Нельзя так, Михаил, нельзя. За тебя волнуются, а ты прячешься. Прятаться надо знаешь, когда? Когда собираешься нападать. Всё другое - трусость. Я не знаю ваших дел, знаю только, что с тобой хочет поговорить отец, а ты прячешься. Ты что, натворил чего-нибудь?»

И я ему все рассказал. Закончил словами:

«И теперь они хотят, чтобы я с ней помирился»

Иван Афанасьевич подумал и покачал головой:

«Да, тяжелый случай...»

Помолчав, добавил:

«Ладно, ты поговори пока с отцом, он сейчас позвонит, а там видно будет»

Через пять минут позвонил отец и без обиняков сказал:

«Мишка, я все понимаю. Но и ты пойми нас. Что бы там ни было, у нас с матерью появился внук. Так что ты как хочешь, а мы к Соне будем относиться как к матери нашего

внука, то есть, со всем уважением. Никто тебя ни к чему не принуждает, живи, как считаешь нужным, но не прячься по углам. Ты же боксер. Будешь прятаться – проиграешь. Поймешь, ради чего дерешься – выиграешь. Все понял?»

«Понял»

«И еще: не будь жесток с Соней. Дай ей подняться. Она должна встать на ноги, хотя бы ради сына. Договорились?»

«Договорились»

«Большой привет Ивану Афанасьевичу»

Пришел Иван Афанасьевич и спросил:

«Ну что, поговорили?»,

«Да, спасибо. Вам от отца большой привет» - ответил я, и вдруг перед глазами вспыхнула картина, на которой он был в генеральском мундире.

«Вы скоро будете генералом» - улыбнулся я.

«Откуда знаешь?» - насторожился он.

«Чувствую» - улыбнулся я.

«Ну, значит, с меня магарыч, - натянуто улыбнулся Иван Афанасьевич. – А насчет тебя скажу так: всему свое время. У меня на фронте трусы со временем становились героями»

«Я не трус...»

«Да нет, Мишка, ты пока еще трус. Чтобы стать героем тебе нужно время...»

Да нет, мой генерал, мой фронт у меня в голове, и никакое время не погасит картину, где Царев стреляет в Соньку спермой. И в ту проклятую ночь, и потом много раз после

свадьбы, когда осквернял ее лоно с моим ребенком. А значит, быть мне всю оставшуюся жизнь трусом...

Студенческая жизнь тем временем разгоралась, словно летняя заря. В начале сентября нас отправили на месяц собирать за трактором картошку. Там-то и сложились у нас начала особой дружбы, которая с годами только крепла. Мы притирались морально, ментально и принципиально. Советское общество в то время потихоньку разлагалось, набирающий силу скепсис ощутимо потряхивал общественные устои, едкие уколы Высоцкого цитировались с пониманием и ухмылкой. А в это время мы в ватниках и сапогах рядом с неказистыми колхозниками обеспечивали картошкой диссидентские кухни заносчивой интеллигенции. Нам даже пришлось кулаками образумить двух затесавшихся в наши ряды поклонников Солженицына, отказавших селянам в праве на человеческое звание. Неудобства коллективного мужского сожительства (парни обитали в деревенской бане, где по ночам шуршали мыши, и спали, бросив на солому что-нибудь шерстяное), как и *наши споры без сна и покоя* завершились коллективной гульбой, на которой я впервые напился по-настоящему. Кажется, даже с кем-то целовался, только вот убей, не припомню с кем. Девочки же наутро выглядели все до одной невинными.

Что такое второй курс? Это подтверждение серьезности ваших притязаний на высшее образование, это заявление своих амбиций и возможностей, это ежедневное убеждение

себя и других в правильности вашего выбора и вашей неслучайности. В конце концов, это курс, на котором все еще прилежно конспектируют лекции и на котором нельзя расслабляться, а если кто-то начинает расслабляться, значит, он созрел для третьего курса. В прилежном напряжении одолев первый семестр, я сдал зимнюю сессию и снова не поехал на каникулы. В феврале моему якобы сыну исполнился год, и Зоя вложила в письмо фотографию бессмысленно улыбающегося, сероглазого, лобастого, с четырьмя зубами и льяныными завитками волос, а главное, без малейшего сходства со мной ребенка мужского пола. Хорошо еще в одежде, а не голышом на животе, как любили фотографировать во времена моего младенчества. Я с досадой и без всякого любопытства разглядел фото и отправил его на дно чемодана. Мне не понравилась та вкрадчивая настырность, с которой мне напоминали о грехах моей юности.

Что меня, однако, беспокоило все больше, так это половое воздержание. Я выросл, и физическая близость с противоположным полом виделась мне теперь регулярной потребностью. Причем в отличие от наших с Сонькой брачных игр я мечтал о чем-то преходящем, случайном, невечном, где постель была бы лишь ареной взаимного удовлетворения. Необязательность – вот суть искомых отношений. Быть кому-то обязанным и скованным привязанностью я не желал. Разве для многомиллионного города это проблема, удивитесь вы, и я замечу, что тогдашние нравы даже в

студенческой среде были не в пример нынешним сдержанные – я бы даже сказал, возвышенные. Причиной ли тому обстоятельность эпохи или официальное ханжество, но мужское смущение и женское целомудрие были для нас не пустые слова. По этой причине отношения симпатизирующих сторон часто выглядели, как вялотекущий флирт, где внешняя сдержанность скрывала вихрь одолевавших их чувств. Недоверчивым напомним, что речь идет о Питере образца одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года, где найти почитательницу иностранной литературы с постельным уклоном было возможно, лишь внедрившись в тайные богемные сферы. Фабричные же Кармен хоть и дружили с мини-юбками, но в своем черно-красном наряде с мантильей и букетом жасмина в волосах предпочитали показываться только в тесных компаниях.

Я смотрел на однокурсниц и ни одну из них не видел рядом с собой. Я бродил по институту, приглядывался к чужим девушкам – моя память была невозмутима. Это означало, что ей пока неизвестно, когда и с кем я вступлю в предосудительную связь. С другой стороны, это могло означать, что не стоит ждать милостей судьбы, а следует добиваться их самому.

рого происходили легендарные события. Достаточно вспомнить прогремевший двадцать пять лет назад на всю страну спектакль «Весна в ЛЭТИ». С тех пор в традиции института вошел так называемый весенний карнавал. Самый настоящий карнавал, где все пели, дурачились, танцевали. Стены были увешаны ватманами с остроумными фотографиями и исполненными неформального юмора рисунками. Помню четырехметровую ленту из склеенных ватманов, на которой была нарисована сложнейшая радиосхема с антенной на входе и подвесной ручкой унитаза на выходе. Это было неожиданно и смешно. Были и гости, в том числе наши соседи из Первого медицинского института. Там-то я и увидел Милу. Увидел и сразу насторожился: не иначе сейчас в голове полыхнет цветастая картина и возвестит мое ближайшее будущее! Но, видно, она не была той искрой, из которой разгорается вещее пламя.

А между тем, Мила была милá. Присутствовало в ее красиво очерченном лице нечто истинно петербургское – салонное, бледное, тонкое, завораживающее. Так и хотелось назвать ее черты аристократическими, если бы знать, что это такое. В самом деле, я бы счел оскорбительным поставить ее в один ряд с портретами аристократок былых времен, прикрывавших свою напыщенную никчемность вычурной прической и родовой спесью. Ее аристократизм был другого рода: он исходил изнутри. Его излучали ее глаза, стройная, легкая фигура, гордый поворот головы, осанка, и это излуче-

ние образовывало что-то вроде защитного поля, не позволяя людям робкого десятка приблизиться к ней. Но я боксер, потому и проник внутрь. Но не сразу. Сначала наблюдал за ней со стороны. Выделяясь среди своих простоватых подруг, она определенно пользовалась успехом. Ее приглашали, и она шла, словно из вежливости. Танцевала, отвернув спокойное лицо. Когда ее спрашивали, поворачивала голову, улыбалась, что-то коротко роняла и снова в сторону. Вот тогда-то я нырнул под канаты и пригласил ее. Мы присоединились к танцующим, и я тут же приступил:

«Стоял в стороне и любовался вами»

«Вот как?» - повернув ко мне лицо, тонко усмехнулась она.

«Да. И должен сказать, что вы здесь лучше всех. В вас есть врожденный аристократизм. Только знаете, люди не любят, когда на них смотрят свысока»

«Свысока? – покраснела она. – Вот это да! Вы что, психолог?»

«Нет, я будущий инженер-электрик. Между прочим, раньше я вас в нашем институте не видел. Вы из Первого меда?»

«Угадали»

«И какой курс?»

«Первый»

«А я на втором. Кстати, я - Михаил»

«А я – Мила» - чуть задержавшись, представилась она.

«Сразу скажу, что я сибиряк и живу в общежитии»

«И что?» - бросила она на меня быстрый взгляд.

«Ничего. Просто некоторых это смущает»

«Мне все равно» - отвела она взгляд.

Вот так мы и познакомились. Когда она с подругами собралась уходить, я попросил номер ее телефона, и она, помедлив, его назвала. Я возвращался в общежитие, пытаюсь примирить две правды: во-первых, Мила не из тех, кто без веских оснований даст затащить себя в постель и, во-вторых: до чего же я одинок! Мне жизненно необходимо женское внимание, пусть даже целомудренное и платоническое!

Через два дня я позвонил и пригласил ее погулять. Она согласилась, и после лекций я встретил ее на нейтральной полосе, как мы в дальнейшем прозвали мост через неширокую, разделяющую два наших института речку Карповку. Увлекая разговорами, я повел ее через садик с памятником Попову и далее на улицу Щорса, имея целью кафе «Снежинка» на углу Ленина, которое мы с друзьями облюбовали за его разночинную атмосферу. За то время, пока мы туда добивались, я обстоятельно сообщил ей о моих спортивных, музыкальных и литературных предпочтениях, подтвердив тем самым мое соответствие молодежным требованиям нашего времени. Ей надо было чем-то ответить, и она сказала:

«Мне даже стыдно за себя. Спортом не увлекаюсь, в музыкальной школе не училась... Литература? Ну, так, почиываю «Иностранную литературу»...»

Ее неброская неуверенность, которую я заметил еще в прошлый раз и которую она заслоняла своим аристократизмом (нет, нет, не напускным, истинным!), стала еще очевиднее. Словно она смирилась, словно готовила себя к очередному разочарованию. И это при её-то данных! Как хотите, но в ней определенно таилась загадка.

«Если желаете, сходим как-нибудь в филармонию на органный вечер» - предложил я.

«Посмотрим» - коротко обронила она.

Мы подошли к «Снежинке», и я сказал:

«Это наше с друзьями любимое кафе. Не хотите зайти?»

«Как-нибудь в другой раз, - зябко, как раньше писали, повела она плечами. - Мне уже пора»

«Хотите, я вас провожу?»

«Нет, спасибо. Мне тут недалеко»

И повернувшись без лишних слов, пошла прочь.

«Можно, я вам позвоню?» - спросил я вслед. Ее спина на ходу пожала плечами, что могло означать и да, и нет.

Через два дня вечером я позвонил, но на мое предложение встретиться завтра, она ответила, что будет весь день в институте и что дома у нее кое-какие дела. Я позвонил еще через два дня, и услышал в ответ почти то же самое. Еще через два дня я купил два билета в филармонию и, позвонив ей, без предисловий сказал:

«У меня на завтра два билета в филармонию. Буду ждать вас у входа. Начало в семь. Если не придете, выброшу биле-

ты в Карповку, и пусть они плывут в Ледовитый океан. Это здесь, недалеко»

После чего повесил трубку.

Она пришла, и я вместо приветствия сказал:

«Простите, Мила, за то, что раньше не спросил у вас самое главное: может, у вас есть парень и вам неудобно об этом сказать?»

«У меня нет парня» - покраснела она.

«Тогда я буду вашим парнем. Даже не парнем, а пажом. Нельзя, чтобы у такой красивой девушки не было пажа. Согласны?»

Она покраснела еще сильнее и кивнула головой.

«Тогда здравствуйте, и добро пожаловать на концерт!» - широким жестом указал я на вход.

В тот вечер был Равель – «Болеро», концерт для левой руки, «Вальс». Наблюдая краем глаза, как она слушает, я понял, что у нее чуткая, живая душа. Когда мы вышли, она сказала:

«Спасибо, Михаил. Первый раз слушала «Болеро» целиком...»

5

Через неделю мы перешли на ты, и жизнь моя наполнилась культурным досугом. Мы прилежно посещали соответствующие заведения и, разумеется, кафе «Снежинку». Пе-

ред тем как первый раз ее туда привести, я предупредил:

«Здесь специфическая атмосфера. Могут громко спорить, но ты не обращай внимания. Это безобидные споры»

Мила определенно ожила. Охотно улыбалась и даже смеялась. Из щетинистой иронии, с которой она воспринимала окружающую жизнь, постепенно испарилась желчь, ее мелодичная, правильная и толковая речь радовала рассудительностью. И все же в ее голосе и взгляде не было доверчивости. И так до двадцатых чисел июня, когда она, наконец, согласилась поехать со мной на пляж в Солнечное. Мы нашли укромное место, разделись, я взглянул на нее и всё понял: одарив ее безукоризненным сложением и красивым лицом, чертова природа поскупилась на грудь. Мила перехватила мой взгляд, прикрыла ладонями сморщенный бюстгальтер и, глядя на меня с отчаянным вызовом, усмехнулась:

«Это место, где должна быть грудь»

«У нее такая маленькая грудь и губы алые, как маки...»

- вдруг вспомнилось мне, и я, справившись с замешательством, беспечно ответил:

«А мне нравится! Нет, правда, ужасно нравится! Она же у тебя как у девушки из Нагасаки, и это прекрасно!»

Мила с крайним недоверием посмотрела на меня, пытаюсь, видимо, понять, что это – похвала или насмешка. Я схватил ее за руку и со словами: «Ну, всё, побежали купаться, а то я уже лопаюсь от жары!» потащил ее к воде. Вздывая пенные буруны, мы с разбега влетели в воду и когда погру-

зились по грудь, я сказал:

«Ты очень красивая. Вся. С головы до ног»

Щеки ее были мокры, как от слез. Потом мы, облокотившись, лежали бок о бок на подстилке, и с лица ее не сходила сдержанная улыбка. Тело у нее было выше всяких похвал, и миниатюрная грудь лишь подчеркивала ее изящное, трогательное девичество. В тот день, как впрочем и в последующие я был с Милой заботлив и внимателен, предупредителен и говорлив, отчего он, надеюсь, стал лучшим в ее сознательной жизни. Всю обратную дорогу она смотрела на меня с недоверчивой улыбкой, словно не решаясь поверить, что я принял ее такой, какая она есть. Назавтра было воскресенье и, проводив ее до дома на улице Добролюбова, я указал на противоположный берег и сказал:

«Завтра поведу тебя в Эрмитаж. Будем изучать импрессионистов. Так что жду на этом месте в двенадцать ноль-ноль»

И она, унося с собой мой ободряющий взгляд, устремилась под арку.

В начале июля я уезжал со стройотрядом на целину строить коровник. Мила пришла на Московский вокзал меня проводить. Прощаясь, я попросил:

«Можно, я поцелую тебя в щечку?»

Она застеснялась и подставила щечку. Я прилип к ней губами и задержался дольше, чем надо. Мила не протестовала, и тогда я осторожно обнял ее и держал, пока она не попыталась освободиться. Отстранившись, взглянула на меня и тут

же опустила глаза. Я сказал:

«Я буду скучать и обязательно тебе напишу»

Она вскинула на меня влажно мерцающие глаза на улыбающемся лице и тихо сказала:

«Будь там осторожен и позвони, когда приедешь. Я буду ждать»

Поезд тронулся, она вскинула руку и так держала, пока ее фигурку не заслонили спины провожающих.

Степное, опаленное солнцем пространство с высоким, выбеленным жарой небом, бескрайними полями зреющей пшеницы и пыльными дорогами среди потрескавшейся земли - ему я посвятил два месяца жизни. Неподалеку, западнее нас располагался Байконур, и, случалось, оттуда к бриллиантово сияющим звездам устремлялся раскаленно-пламенный хвост ракеты. Достигнув определенной высоты, хвост отделился и сгорел в свободном падении. Кто-то рвался к звездам, а кто-то строил коровники. За лето я написал Миле два обстоятельных письма с описанием тех мест, где не было театров, консерваторий, музеев, где важнейшим из искусств было искусство снабжения и выбивания, где не было празднующейся публики и каждая пара трезвых рабочих рук ценилась особо. Писал о людях, занятых производством всего того, что мы привыкли видеть на прилавках, не задумываясь о том, как оно туда попадает. Писал о том, как мы придаем преувеличенное значение всякой ерунде, о том как много вокруг нас того, что мы не ценим, и что нужны особые

обстоятельства, чтобы начать это ценить. Много еще чего я писал, перед тем как забыться мертвым сном. Но всё кончается, кончилось и это лето. В том, что в этот раз мое местоположение находилось далеко в стороне от родного города, была определенная выгода: мне не пришлось выслушивать укоризненные Зоины проповеди. Однако в Ленинграде меня, как и прошлый год ждало ее письмо. Среди прочих новостей она сообщала, что Сонька поступила в медицинский институт, и для полуторагодовалого Мишки уже нашли няню. Не писать же ей, что мне теперь до Соньки нет никакого дела, и что первойшей и вожденной заботой является для меня встреча с Милой. Я позвонил, и уже через час предъявил ей себя – обугленного, обветренного, бородатого, с выгоревшими на солнце волосами. Она позволила поцеловать себя в щечку, взяла за руку и повела к себе домой, где я ни разу еще не был. Едва за нами закрылась дверь, она кинулась мне на шею. Мы страстно поцеловались. Она отстранилась, провела рукой по моей бороде, по дубленому лицу – глаза ее сияли.

«Я соскучилась...» - не спуская глаз, пробормотала она.

«Дома кто-нибудь есть?» - хрипло спросил я.

«Никого. Родители два дня на даче...»

Я подхватил ее на руки. После тех центнеров, что мне за лето пришлось перетаскать, она показалась мне легче пушинки.

«Куда?» - спросил я.

«Туда» - указала она на ореховую дверь.

Я толкнул плечом дверь и проник в комнату. Судя по всему, это была ее комната. Я подошел к кровати и уложил ее на покрывало.

«Подожди» - встала она и, стащив покрывало, отбросила одеяло и обнажила постель. Вслед за этим стянула с себя легкое платье, сняла трусы, лифчик и легла, закрыв глаза.

«Надо что-нибудь подстелить. Кровь будет» - буднично сказал я.

«Возьми там, в шкафу...» - пробормотала она, не открывая глаз.

Я открыл шкаф, нашел там широкое полотенце и принес. Мила лежала не шелохнувшись. Лицо ее пылало, ресницы подрагивали. Я подстелил полотенце и стал раздеваться. Она открыла глаза, увидела меня, полуголого, и поспешила отвернуться. Я оголился, улегся рядом, возложил руку на ее живот и почувствовал мелкую дрожь. Подхватив одеяло, я накрыл нас и сказал:

«Иди ко мне, я тебя согрею»

Она подалась ко мне, ее лицо оказалось возле моего, и я услышал, как ее зубы выбивают мелкую дробь. Я обнял ее.

«Ну, что ты, что ты... - гладил я знобкое тело. – Успокойся, все хорошо...»

Она открыла глаза и виновато улыбнулась:

«Это от волнения... У меня это первый раз...»

Я вспомнил, как Сонька рассказывала о том, что чувство-

вала в первый раз. Про мгновенную боль и про то, как впервые почувствовала внутри себя инородное тело. И то, что было потом ей почему-то напомнило мытье ершиком бутылки из-под кефира.

«Доверься мне и не удивляйся тому, что я буду делать. Так надо...» - погладил я ее и припал к миниатюрной груди, как припадает к источнику томимый жаждой путник. Она отозвалась тихим, удивленным подрагиванием. Грудь ее заметно набухла, соски отвердели. Спрятав их в ладонях, я спустился губами на живот – Мила напряглась. Чем ближе я подбирался к темнокудрому островку, тем беспокойней она становилась. И когда я примял нежную поросль, она быстро скрестила ноги и тихо обронила:

«Не надо...»

Я отстранился, успев уловить пряный аромат, от которого меня бросило в жар. Подавив отчаянное желание накинуться на нее и освободить себя от жаркого, свербящего зуда, я перебрался на ее скрещенные ноги и заскользил по их упругой глади. Дойдя до ступней, разогнулся, окинул расprostертую Милу взглядом и вдруг против воли и всех запретов упал губами на заветный островок. Мила уперлась руками в мою голову, собираясь ее оттолкнуть, но... не оттолкнула и запуталась пальцами в моих волосах. Я стал целовать ее мягкое, податливое подбрюшье. Мила подрагивала, крепилась, наконец, не выдержала и вывернулась. Лицо ее горело, глаза помутнели. Не глядя на меня, она со сдержанным укором

выговорила:

«Я же просила...»

«Прости, не удержался, - поцеловал я ее в плечо. – У твоей орхидеи вкус меда с корицей»

В ответ она повела бедрами:

«Мне никогда еще не было так стыдно...»

«Милуша, это была прелюдия, - поцеловал я ее. - А теперь главное. Ты готова?»

Она невыразительно мотнула головой, и я, сунув ладонь в гладкую расщелину сведенных ног, дал ей понять, что их надо развести. Она, всё также не глядя на меня, неохотно раздвинула ноги. Помедлив, я припал к ней, нащупал вход и коротким, мягким тычком втиснулся в нее. Она дернулась и попыталась меня оттолкнуть. Не дожидаясь, пока она привыкнет к боли, я решительно навалился и заполнил ее. Она с громким стоном выгнулась, глаза ее налились ужасом, и я стал целовать ее лицо, приговаривая:

«Всё, Милуша, всё, теперь уже всё...»

Подождав, я осторожно задвигался, прислушиваясь к ее тихим постанываниям. Постепенно внутри нее возникла скользкая влажность, лицо ее разгладилось, она словно прислушивалась к чему-то. Прошло несколько томительных минут, и вдруг она мотнула головой, рот ее приоткрылся, и оттуда вырвался жаркий выдох. Она часто и громко задышала, стиснула меня и несколько раз крупно вздрогнула. Я усилил напор, и комната огласилась удивленными стонами. Они

возвысились, наполнились мукой и также плавно стихли. За ней затих и я. Не спеша покидать ее, я любовался расслабленным, порозовевшим лицом моей девственницы. Налюбовавшись, поцеловал ее и сказал:

«Видишь, какая ты чувствительная... Первый раз, и сразу оргазм...»

Она открыла пронзительно чистые, полные признательно-сти глаза и смущенно улыбнулась. Я улегся рядом и спросил:

«Итак, что скажет будущий врач?»

«Не знаю... Всё так странно, так непривычно... Прости, если делала что-то не так...» - виновато взглянула она на меня.

«Ты всё правильно делала, - поцеловал я ее и, мазнув по лобку, предъявил ей пальцы. – Видишь?»

Мила тихо ахнула:

«Кровь... Подожди, схожу в ванную...»

Она набросила халатик и ушла. Мне вдруг почему-то вспомнилась Сонька.

«Вот мы и поквитались» - с мимолетной угрюмой горечью подумал я, после чего встал, поменял полотенце, поправил постель, взбил подушки, открыл форточку, задернул плотнее шторы, и пока я всё это делал, вернулась Мила. Увидев меня обнаженным, она подошла и совсем как когда-то Сонька, принялась любовно оглаживать мою бесстыдную наготу.

«Какой ты мужественный... Настоящий викинг... Загорелый, обветренный викинг... Недаром я в тебя сразу влюби-

лась...»

«Ты моя белокурая северная женщина, - скинув с нее халатик, привлек я ее к себе. — Буду любить тебя весь вечер»

«Только один вечер?» - улыбнулась она.

«Один вечер и всю жизнь» - стиснул я ее ягодицы.

«Тогда мы сейчас повторим, потом я тебя накормлю, а потом ты останешься на ночь и будешь любить меня до утра, - зарделась Мила от нового, незнакомого бесстыдства. - Согласен?»

Вместо ответа я подхватил ее на руки, уложил в постель и припал к стыдливой орхидее. Противиться на этот раз она не стала.

Именно в таких экономных, лаконичных тонах, в очерченных с эскизной торопливостью набросках, в конспективных, лишенных живости стенограммах видится мне наш не прописанный в моей памяти роман.

6

Мила оказалась нештатной иллюзией, временной и странственной аномалией, с которой мне суждено было провести третий и четвертый курсы. То было время, когда метафоричность метаморфоз моего странного мира была еще недоступна моему уму.

После нашей первой, под присмотром круглолицей луны ночи, после ненасытных соитий и сомнамбулических ласк,

после ее утреннего сна (так сладко спят только дети и кошки) на лице Милы поселился внутренний свет, стирающий с лица все тени и делающий ее невыносимо желанной. Она ходила по квартире в сорочке, и приспущенная лямочка открывала глазам засос на груди, который она, попеняв мне для виду, носила с нескрываемым удовольствием. Я подхватывал Милу, нес в постель, где превозносил и ласкал ее непорочные прелести, и комната наполнялась ее несдержанными стонами. И так два безвылазных августовских дня и две ночи.

Приходило ли мне в то время на ум, что было бы бесконечно обидно, если бы я не узнал Милу и не спал бы с ней, умиляясь и удивляясь щедрости и красоте мира? И хватало ли мне мозгов для вывода: чтобы мир был таким, я должен здесь и сейчас кого-то любить? Нет, не приходило, нет, не хватало. Гораздо важнее было то, что Мила полностью вытеснила из моей головы и жизни Соньку, подтвердив тем самым бытующее среди мужчин мнение, что незаменимых женщин нет. Почему это так, объяснить не берусь. Только не говорите мне про безмозглые железы и гормоны и не поминайте всуе химические реакции! Лучше ответьте на вопрос, кто и зачем их запускает? Кому и зачем нужно, чтобы на месте одного костра разгорался следующий, а из пепла одного идола рождался другой?

Она звала меня Мишенькой, я ее Милушей. Ее родители - культурные, вежливые, зажиточные люди, относились ко мне хорошо, но я не видел в них будущих родственников.

Когда они на выходные уезжали за город, мы поселялись в ее квартире, когда они оставались в городе, мы уезжали в их большой дом в Репино. За два года мы ни разу не употребили слово любовь. Нам было просто и по-человечески хорошо. Науки наши были далеки друг от друга, и сблизить их мы не пытались. Однажды я попробовал у нее узнать, как устроена ее орхидея, на что она ответила, что если я узнаю, не то что целовать - видеть ее не захочу.

«Да что там вагина! – воскликнула она. - Если б ты только знал, кто у нас на коже живет, ты бы перестал меня целовать!»

Сама она, однако, меньше целовать меня после этого не стала.

Восьмидесятый год стал для многих моих одноклассников годом двадцатилетия. Я не был первым в этом списке, а потому когда пришел мой черед, мне было уже ясно, как этому относиться. Во всяком случае, того экзистенциального трепета, который переживали герои известного фильма «Мне двадцать лет» я не испытал. То был второй по счету и первый десяток из тех, чье завершение я приветствовал вполне сознательно. С точки зрения взросления и становления это был, пожалуй, самый важный отрезок моей жизни, однако то ли наше поколение стало беспечней или за пятнадцать лет размылись ориентиры, но сказать, что я проснулся в этот день готовым на подвиги, я не мог. В день рождения были друзья и водка, на следующий день - Мила, шампан-

ское и постель.

В июле мы отправились на три недели в Алупку. Охраняемый львами Воронцовский дворец, абрикосы, инжир, вино, чебуреки, даже пельмени в сметане – всё за копейки, всё с белозубой, голодной жадностью. И кругом альбиция с ее бело-розовыми, словно размытыми воздухом цветами и похотливым запахом, приводившим нас в перманентное возбуждение. Южная любовь не та, что северная. Мы сплетались в снятом на высоте двухсот метров над уровнем моря сарайчике, и горячий, любопытный ветерок, проникнув за белую, отягченную снизу занавеску, охлаждал мою вспотевшую спину со сплетенными на ней руками Милы, которыми она удерживала меня, говоря, что мужские гормоны ей жизненно необходимы. Видимо, она знала, что делала: ее груди заметно округлились и обрели приемлемые формы, которые беременность рано или поздно обязательно доведет до кондиции.

Осенью у меня начался четвертый курс, у Милы третий, и наша с ней жизнь покатила по проторенной дорожке. На неделе мы виделись урывками, в выходные отводили душу. При этом наш досуг не отличался разнообразием: в городе – культпоход и постель, за городом – та же постель, только в компании с телевизором. С некоторых пор я стал замечать, что одинокие дни тяготят меня уже не так, как раньше, что лечь в постель и проснуться наедине со своими мыслями не то чтобы лучше, но как бы спокойнее. Если раньше я без

Милы и дня прожить не мог, то теперь мне достаточно было вечерним звонком убедиться в ее существовании. А еще я заметил, что в голову все чаще приходили мысли по поводу Соньки. В них присутствовало какое-то необъяснимое, неясное беспокойство. словно слабое, но важное сообщение пыталось пробиться на поверхность сознания, а его туда не пускали. К этому времени мне пришлось признать, что если на момент похода к Цареву она уже была беременна, то ребенок, хочу я того или нет – мой. Зоя исправно и с настойчивой регулярностью снабжала меня фотографиями сына, и я, рассматривая их, представлял себя в его возрасте и поражался несоответствию ребячливой, трогательно-глуповатой внешности недетской серьезности моего тогдашнего мироощущения. Другими словами, будучи ребенком, я тогда уже считал себя достаточно взрослым.

Так продолжалось всю зиму и всю весну, и в один из дней конца мая восемьдесят первого я, собравшись с духом, признался:

«Там, откуда я приехал у меня есть сын. Ему три с хвостиком, и я ни разу его не видел. Нет, я не женат, просто так получилось. Но теперь пришла пора определиться...»

«То есть, мой викинг меня покидает...» - не мигая, смотрела на меня Мила.

«Не викинг – мавр. Мавр сделал свое дело и должен уйти»

«Ты не мавр, ты – Пигмалион, - проникновенно сказала Мила. - Ты меня создал и оживил, и за это я буду тебе бла-

годарна до конца жизни»

Она поцеловала меня и сказала:

«Назвать тебя ловеласом язык не поворачивается. Тогда почему вы не вместе?»

И я всё ей рассказал. Мила выслушала и долго молчала. Потом, глядя мне в глаза, произнесла:

«Я на такое была бы неспособна. Это как же ей надо было тебя любить... И как она сейчас живет?»

«Учится в медицинском, как и ты»

«Замужем?»

«Насколько я знаю, нет»

«Редкая женщина. Редкая и несчастная. И великая, поверь мне»

Мила уткнулась мне в плечо и, помолчав, спросила:

«Что собираешься делать?»

«Не знаю, - пожал я плечами. – После сессии поеду домой. Первый раз за четыре года. Я же с тех пор ни разу ее не видел»

«Мой совет: не рассказывай ей про нас. Даже если у нее всё хорошо – не рассказывай. Скажи, что всё это время был один, хорошо?»

«Хорошо»

«Одна просьба: проведи эти выходные со мной. Я хочу как следует попрощаться...»

И мы провели два дня в постели, любовно перебирая то, что накопили. Кто-то раздраженно скажет:

«Что ты нам всё про постель, да про постель? А про учёбу? А про друзей? А про страну?»

А что про друзей? Друзья, как друзья. Лучшие и единственные на свете. Учеба, как учеба. Тут всё ясно. Надо только набраться терпения. А страна... А что, страна? Достаточно того, что нас боятся. Ну, а Мила... Скажу так: если бы не она, я бы два года после лекций глушил с друзьями водку в нашей любимой стране. Ну, и кто для меня, по-вашему, важнее?

С Милой мы с тех пор больше не встречались. От наших общих знакомых я со временем узнал, что она вышла замуж за молодого, подающего надежды аспиранта.

7

Я приехал домой в начале июля с намерением провести там два месяца. Меня встретили с радостной укоризной: где ж ты так долго пропадал?! А ведь я действительно пропадал. Совсем пропащий.

Вечером собрались за столом. С меня не спускали глаз. Возмужал, совсем мужик стал, говорил дед. И подрос, вторила ему бабушка. Отец смотрел на меня с размягченным лицом, мать сидела рядом и держала за руку: Мишенька, сыночек, как же мы соскучились! Сестра Зоя, повзрослевшая и похорошевшая – совсем городская, смотрела на меня с мягкой улыбкой.

«Как там Афанасьич поживает?» - спросил дед, и я ответил:

«Давно уже генерал. Бываю у него регулярно»

«А девушка-то у тебя есть?» - спросила бесхитростная бабушка.

«Нет, бабуля, девушки нет»

«Что, так один и ходишь?»

«Так один и хожу» - подтвердил я и по глазам присутствующих понял, что именно этого ответа все от меня и ждали.

Потом начались приватные беседы. Отец спросил:

«Как твой бокс?»

«Бросил»

«Совсем?»

«Ну, так. Когда очень злой, хожу в зал, колочу грушу»

«Это хорошо, форму надо держать»

Дед спросил:

«Как баян?»

«Почти не играю. Он там не в моде»

«Это ты зря. Музыка всегда в моде»

«То музыка, а то баян...»

Мать спросила:

«Как твое здоровье, сынок?»

«Всё хорошо, мам, всё хорошо, здоров»

Бабушка спросила:

«А ты, Мишенька, надолго к нам?»

«На два месяца, бабуля!»

«А, ну это хорошо!»

Сестра Зоя сказала, понизив голос:

«Соня хочет тебе сына показать»

«Она все там же, с родителями?»

«Да, каникулы у нее. Позвони ей, договорись»

И громко, для всех:

«Мишка твой, ну такой разбойник!»

Все только этого и ждали:

«Ох, разбойник! Ах, разбойник! Ух, разбойник! Эх, разбойник!»

Дед сказал:

«Вот не думал, что до правнука доживу!»

Бабушка:

«Настоящий ангелочек!»

Мать:

«А уж такой сообразительный! Весь в тебя! Помнишь, как ты себя в детсад определил?»

Отец:

«Купили ему с матерью железную дорогу. Пусть привыкает»

Тут уж не вытерпел я:

«А я ведь тоже сначала хотел купить железную дорогу, а потом купил радиоуправляемый танк!»

На следующий день я выбрал время поближе к обеду и позвонил Соньке:

«Здравствуй, это я»

«Здравствуй»

«Я могу посмотреть на сына?»

«Конечно»

«Когда?»

«Да хоть сейчас»

«Вы будете одни?»

«Да. Родители будут не скоро»

«Тогда я приду через полчаса»

«Хорошо, ждем»

Через полчаса я поднялся на третий этаж и позвонил. Дверь открылась, на пороге с бледно-розовым от волнения лицом стояла Сонька. Господи, ну почему, почему природа не метит изменщиц какой-нибудь краской, знаком, перекошенным ртом, нервным тиком, родимым пятном или, на худой конец, лилией на плече?! Она стала еще стройнее, еще краше. Я представил ее женой себя прежнего – бесконечно далекого и безмерно влюбленного, и позавидовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.